

Оставшись без приготовленного Юэ Чжао завтрака, Лингуан шёл на работу с купленными по дороге паровыми булочками и невольно предавался размышлениям.

Похоже, Юэ Чжао наконец-то справился со своими внутренними невзгодами и начал заводить знакомства. Что ж, это к лучшему.

Думая о юноше, Лингуан задумчиво опустил взгляд на запястье, где алела тонкая красная нить.

— Интересно, каков истинный облик Юэ Чжао... — тихо прошептал он.

Ему всегда казалось, что Юэ Чжао едва уловимо похож на его покойного супруга. Черты лица, манера держаться... Однако Юэ Чжао был слишком беззащитным, чистым и наивным, поэтому мимолётное сходство быстро растворялось.

Может, все Лазурные Драконы в чём-то похожи?

Поразмыслив, Лингуан отбросил эту мысль. Молодому поколению клана Лазурных Драконов недоставало и сотой доли величия его ушедшего мужа.

И всё же Лингуан испытывал облегчение, видя, что Юэ Чжао обретает душевный покой. Наверняка этот мягкий и добрый юноша вскоре обзаведётся друзьями, забудет боль от предательства людей и начнёт новую жизнь.

Оставив эти мысли, Лингуан погрузился в дела.

Стоило ему подписать пару документов, как к столу нерешительно подошла его секретарь, Цинлуань.

— Звёздный лорд, проверка счетов, о которой вы распорядились ранее, всё ещё не завершена.

Лингуан нахмурился.

— Разве я не поручал это судебным приставам?

Цинлуань замялась, подбирая слова:

— Дело в том... Ситуация оказалась запутанной. Кажется, ниточки тянутся к главной планете.

— К главной планете? — Лингуан холодно усмехнулся и поднялся из-за стола. — Что ж, поглядим, у кого там за спиной покровитель влиятельнее меня!

Близился конец года — время закрытия счетов. В те несколько компаний, к которым у властей оставались вопросы, уже нагрянули приставы. Они заблокировали входы и проверяли каждую строчку отчётности с бесцеремонностью настоящих разбойников.

Лингуан прибыл на место на своём звёздном челноке. Завидев его, руководство компании воспрянуло духом, посчитав, что звёздный лорд явился усмирить подчинённых. Председатель правления бросился к нему, горько сетуя на произвол и грубость проверяющих.

Лингуан небрежно бросил ключи на стол, вальяжно опустился в кресло и, закинув ногу на ногу, смерил жалобщика насмешливым взглядом алых глаз. В его голосе зазвучали властные, непреклонные ноты:

— Вот и славно. Закончат проверку — и ваше честное имя будет восстановлено.

Он резко взмахнул рукой:

— Несите книги сюда. Я лично проконтролирую каждую транзакцию.

Заручившись поддержкой повелителя, приставы задействовали все ресурсы, действуя ещё решительнее и напористее.

По мере того как проверялась строка за строкой, лица бухгалтеров бледнели, а председатель, теряя самообладание, то и дело отпрашивался в уборную, пытаясь тайно сделать звонок. Однако все его сигналы глушились аппаратурой Лингуана.

Когда председатель в очередной раз вернулся в кабинет, Лингуан молча нажал кнопку воспроизведения на своём коммуникаторе. Из динамика раздался записанный разговор.

— Хм, человеческий сектор? — Лингуан прищурился, глядя на него с тонкой усмешкой. — И кто же этот достопочтенный сенатор? Назовите имя, вдруг мы знакомы.

У председателя подкосились ноги, и он рухнул на колени. В его угасающем сознании билась единственная мысль: «Это конец».

— А-Лин, ты сегодня снова задерживаешься?

Ближе к восьми часам вечера раздался звонок от Юэ Чжао.

Лингуан сидел в своём рабочем кресле, подперев голову рукой; тень от ладони ложилась на его

хмурый лоб. Позади него сустились сотрудники, разбирая завалы конфискованных документов. Услышав мягкий голос в трубке, Лингуан приоткрыл глаза, и его строгий взгляд немного потеплел.

— Да, — негромко отозвался он. — Как прошёл твой день?

— Я ходил в университет, узнавал насчёт вольных слушателей. Хочу найти себе занятие... — Юэ Чжао явно был в прекрасном расположении духа. Он с воодушевлением демонстрировал через камеру свой блокнот с аккуратными записями.

Лингуан слушал молча, его лицо оставалось бесстрастным. Свет от экрана озарял его профиль, придавая чертам суровость и холодность. Если бы не редкие кивки, можно было подумать, что он вовсе игнорирует собеседника.

Цинлуань, зашедшая в кабинет с очередной папкой, сочувственно вздохнула, глядя на экран. По её мнению, звёздный лорд вёл себя как последний эгоист — холодный, равнодушный, позволяющий без памяти влюблённому в него Юэ Чжао тешить себя напрасными надеждами.

Однако самого Юэ Чжао такое отношение ничуть не ранило. Он продолжал увлечённо щебетать о встреченных на улице кошках и живописных университетских аллеях.

Лингуан, параллельно просматривая отчёты о налоговых махинациях, дождался, пока юноша закончит, и ровно произнёс:

— Впредь можешь не отчитываться мне об этом. Мой рабочий день окончен, я отключаюсь.

— Хорошо! — послушно отозвался Юэ Чжао, в чьём голосе не чувствовалось ни капли обиды.

Разогнав уставших подчинённых и пообещав им тройную плату за сверхурочные, Лингуан накинул пальто и сел в челнок. Холодный ночной ветер немного взбодрил его. Спустя десять минут он уже стоял у дверей своего дома.

Стоило ему переступить порог и запереть за собой дверь, как из полумрака прихожей бесшумно скользнула тень.

Юэ Чжао преградил ему путь, мягко, но настойчиво прижав к дверной створке. Положив руки на плечи Лингуана, он негромко рассмеялся:

— А-Лин.

Он вложил в его ладонь спелый духовный плод и, склонившись к самому уху, вкрадчиво прошептал:

— А-Лин, ты хочешь видеть меня каждый день. Тебе мало просто встреч — ты находишь радость в наших беседах, и поэтому будешь первым заводить со мной разговор.

Лингуан недовольно нахмурился, но послушно откусил кусочек сочного плода. Попытавшись высвободить плечи, он проворчал:

— Отойди, не прижимай меня к двери.

Внушение подействовало.

Юэ Чжао мягко отстранился, его губы тронула довольная улыбка.

— Управляющий уже приготовил для тебя ванну. Принести тебе тёплого молока?

Лингуан поначалу хотел отказаться, но в его груди внезапно шевельнулось странное, непреодолимое желание продолжить разговор. Мысль о том, что Юэ Чжао зайдёт к нему в спальню со стаканом молока, показалась удивительно привлекательной. Он послушно кивнул:

— Да, спасибо. Будь добр.

— Вовсе не стоит благодарности. Главное, чтобы моя забота не казалась тебе навязчивой.

Юэ Чжао мысленно похвалил себя за находчивость. Пусть его прежние лобовые попытки сближения и вызывали у Лингуана лишь глухое раздражение, под воздействием этого ментального внушения всё менялось. Видеть, как вечно холодный, строгий Звёздный лорд нехотя, преодолевая собственную гордость, ищет повод поговорить с ним — это зрелище доставляло Юэ Чжао ни с чем не сравнимое удовольствие.

«А-Лин становится всё милее», — тихо пробормотал он себе под нос.

Услышав шорох, Лингуан, сидевший на диване в гостиной с раскрытой книгой, поднял голову:

— Ты что-то сказал?

Юэ Чжао мягко улыбнулся:

— Ничего особенного. Просто раздумывал над завтрашним меню. У тебя есть какие-нибудь пожелания?

Лингуан, равнодушный к изыскам кулинарии, ответил:

— На твоё усмотрение.

— Ну уж нет, так не пойдёт, — Юэ Чжао присел рядом, не позволяя уйти от ответа. Его влажные, ясные глаза смотрели с детским упрямством. — Ты должен выбрать сам.

Лингуан растерялся от такого напора:

— К чему такая настойчивость?

— Потому что... — Юэ Чжао пристально посмотрел на него. В глубине его зрачков вспыхнул опасный, торжествующий огонёк охотника, чей зверь вот-вот угодит в капкан. — Потому что время пришло, — едва слышно прошелестел он.

Прежде чем Лингуан успел расспросить его, Юэ Чжао вновь завёл прежний разговор, требуя назвать три любых блюда. Не в силах сопротивляться этому мягкому давлению, Лингуан сдался и перечислил первое, что пришло на ум.

Довольный Юэ Чжао поднялся и зашагал в сторону кухни.

Излишняя предупредительность всегда таит в себе скрытую угрозу. На сердце у Лингуана заскребли кошки; он инстинктивно поднял книгу повыше, пряча лицо за бумажными страницами.

Но перед бурей всегда царит мёртвое затишье.

Весь следующий день прошёл без происшествий. Разве что Юэ Чжао казался непривычно взбудораженным и несколько раз отправлял сообщения с вопросом, когда Лингуан освободится.

Вернувшись домой, Лингуан обнаружил на столе спелое, налитое багрянцем яблоко. Юэ Чжао, сияя от предвкушения, подвинул его ближе и тихо произнёс:

— А-Лин, ты мне нравишься. Я люблю тебя.

Этот неизбежный момент наконец настал. Лингуан, давно догадывавшийся о его чувствах, лишь тихо вздохнул. Его взгляд сделался сухим и серьёзным.

— Полагаю, я уже не раз давал тебе понять, — мягко, но твёрдо ответил он. — Мои чувства к тебе исключительно дружеские. Мне жаль.

— Вот как? — Юэ Чжао не выказал ни капли разочарования. Напротив, его улыбка стала ещё

шире, а глаза лихорадочно блеснули.

Опираясь руками о столешницу, он подался вперёд и вновь подтолкнул яблоко к Лингуану:

— В таком случае, пусть это послужит мне утешением. Пожалуйста, откуси хотя бы кусочек. Я выбирал его специально для тебя.

В его взгляде читалась безмолвная мольба. Не желая нагнетать обстановку, Лингуан протянул руку и взял плод.

Но стоило ему поднести яблоко к губам, как в его сознании набатом отозвался вкрадчивый шёпот Юэ Чжао:

«Ты любишь Юэ Чжао. Ты жаждешь видеть его каждую секунду, ловить каждое его слово, принимать его заботу... Твоё сердце принадлежит ему»

— А-Лин, ты любишь меня, — замороженно прошептал Юэ Чжао.

Он осторожно приподнял руку Лингуана, направляя спелый плод к его приоткрытым губам. Ещё мгновение — и ловушка захлопнется навсегда.

Лингуану показалось, будто его стремительно утягивает в бездонный омут. Ледяная вода сомкнулась над его головой, а густые, скользкие водоросли оплели руки и ноги, увлекая на самое дно.

Он замер, глядя на юношу затуманенным взглядом.

— Ну же, попробуй, — сладко шептал Юэ Чжао. — Оно очень сладкое. Неужели ты откажешься?

В этот миг от прежнего робкого юноши не осталось и следа. Силуэт Юэ Чжао, наполовину скрытый тенями, напоминал зловещего демона, чья личина святого таила в себе бездну порока. Он склонил голову, продолжая шептать ласковые слова, но его распахнутые глаза гипнотизировали мертвенным блеском.

Разум Лингуана заволакивала тьма, уши заложило, а невидимые оковы тянули его всё глубже в пучину кошмара.

Поддаваясь неодолимому импульсу, он приоткрыл рот.

Глаза Юэ Чжао вспыхнули безумным восторгом, губы задрожали в торжествующей улыбке...

Но Лингуан ровно и отчётливо произнёс:

— Я не люблю тебя, Юэ Чжао.

Он со стуком опустил яблоко обратно на стол и отступил на два шага назад. Его взгляд вновь обрёл прежнюю ледяную ясность и непреклонность.

— Завтра же покинь мой дом.

Улыбка Юэ Чжао мгновенно погасла, застыв уродливой маской.

— Что ты сказал?

Лингуан недовольно нахмурился, готовясь к бесполезным препирательствам.

— Уходи достойно. Не заставляй меня окончательно разочароваться в тебе, Юэ Чжао.

Даже сейчас Лингуан говорил с ним мягче и учтивее, чем когда-либо разговаривал с Е Линем.

Юэ Чжао медленно закрыл лицо руками, и из-под его ладоней вырвался тихий, надломленный смех.

Даже в этот момент краха он продолжал безумно сравнивать себя с Е Линем, ища хоть какую-то зацепку, хоть одно доказательство своего превосходства. Он ведь был заботливее Е Линя, мягче, покладистее... Он делал всё, чтобы заслужить любовь А-Линя.

Так почему же?..

— Как же я завидую... — сорвался с его губ тихий, полный горечи вздох.

Лингуан в недоумении склонил голову, но в следующую секунду Юэ Чжао опустил руки и поднял лицо. По его коже, закручиваясь кольцами, поползли чёрные полосы Кандалов проклятия.

Пусть они с Е Линем делили одну душу и плоть на двоих, Юэ Чжао изнывал от жгучей зависти. Любовь ли, ненависть — всё, что получал Е Линь от Лингуана, было настоящим, живым. Ему же доставалась лишь пустая, иллюзорная фальшь.

Это пламя зависти пожирало его изнутри, причиняя невыносимую боль.

Юэ Чжао сделал шаг вперёд. Тонкая драконья чешуя, отливая стальным блеском, принялась проступать на его теле, покрывая шею и щёки. Его некогда кроткое, безмятежное лицо исказилось, являя миру истинный облик чудовища, восставшего из бездны преисподней.

Почувств смертельную опасность, Лингуан мгновенно отступил.

В его алых глазах вспыхнули яростные искры. В то же мгновение по комнате разлилось нестерпимо яркое Божественное пламя. Руки Лингуана покрылись багряным оперением, обращаясь в могучие крылья, а нежная кожа лица скрылась под алым пухом.

Поднялся неистовый вихрь, раздувая искры священного огня. С яростным клёкотом Лингуан принял свой истинный облик великой птицы Чжуцзюэ. Небо над резиденцией вмиг заволокли тяжёлые грозовые тучи, закручиваясь в злое спирали, и землю сотрясли раскаты грома, прорезаемые ветвистыми молниями.

Пронзительный крик Чжуцзюэ расколол небеса.

Но стихии подчинялись не им одним. Из теней поползла удушливая чёрная мгла, расползаясь по округе траурными лентами.

Огромные призрачные цепи взметнулись из темноты, опутывая огненную птицу. Чжуцзюэ отчаянно бился, пытаясь взмыть ввысь, его крылья вхолостую рассекали воздух, но безжалостные оковы звенели всё громче, увлекая его вниз — во тьму беспробудного кошмара.

<http://bllate.org/book/20308/2214546>